

Н. Б. Лебина, А.Н. Чистиков «Обыватель и реформы»

Китайцы говорят не с лучшими пожеланиями: «Чтоб ты жил в эпоху перемен». Вроде бы ничего ужасного: всё, что ни делается, – всё к лучшему. Реформы и перемены есть в истории любого государства, наша страна не исключение. А вместе с тем, сколь противоречивы они бывают, несвоевременны, не доведены до конца. Насколько болезненна ломка старого порядка: вспомним 1917 год, недавние 90-е. И пока нововведения не войдут органично в нашу жизнь, приходится существовать некоторое время в хаосе. Постепенно из него вырастает новое бытие, новые правила, которые влияют на все сферы жизни. Есть перемены поистине эпохальные. После 1917 года, уже в 20-е началось основательное и активное строительство нового государства. Заложенное тогда до сих пор аукается нам сегодня. Мы этого не замечаем, чаще не осознаем; это ни хорошо, ни плохо – так сложилась история. Интересно проследить, когда зародились многие знакомые нам явления, вещи, как они видоизменялись. Авторы пристально рассматривают жизнь обычного горожанина в годы нэпа (20-е гг. XX в.) и во время хрущевских реформ (50-60-е гг.) в Петрограде-Ленинграде. В эти годы произошли очень большие изменения в стране, и в больших городах они проявились наиболее ярко. Тем более Петербург – наш близкий сосед. Может быть, читатели старшего поколения сумеют где-то подправить авторов, дополнить их и наверняка вспомнят свою молодость, а это всегда приятно. И молодым в назидание: чтобы сравнили и не считали, будто плохо живут.

Ну, что, товарищи, начнем. Помните тот проклятый квартирный вопрос? Уже которое поколение руководителей страны пытается его решить. Вот и новое приняло эстафету. Как же решался вопрос раньше? В 20-е годы – способ №1: выкидываем старых хозяев (читай: буржуев), заселяем новых, то бишь пролетариев. Способ №2: уплотнение. Если имелись излишки площади, то подселяли в комнаты еще кого-нибудь. К слову, норма жилья была 8-10 кв. м. на взрослого, 5 кв. м. на ребенка; для интереса сравним – сейчас норма 14 кв. м. на человека. Как правило, соседями оказывались люди, не имеющие друг с другом ничего общего. Еще было самоуплотнение – это когда власти любезно разрешали хозяевам самим выбрать себе соседа и поселить у себя. В обязательном порядке. Вам что больше по душе? Сдается мне, нынешняя уплотнительная застройка является идейной преемницей тех времен. И из всей этой соседской солянки сформировалась культура коммунальной квартиры,

особый характер ее жителей; «это был своеобразный фундамент, на котором позднее возрастет монументальный тип «человека советского». Вместе с тем представители новой власти жили в гостиницах в несравнимо лучших условиях, чем рядовые граждане. Почему-то нас это не удивляет. Были, конечно, люди со своими квартирами, но таких меньшинство. Проблема стояла острее всего. К слову сказать, коммуналки существуют до сих пор. Во второй половине 50-х гг. с легкой руки Н.С. Хрущева стали появляться дома типовой застройки. В народе их обозвали «хрущевками». Конечно, они имели свои недостатки, но тогда это был огромный шаг вперед. В Москве их сейчас начинают сносить, но по всей стране от них избавятся еще очень нескоро. Я так подробно остановилась на теме жилища потому, что его отсутствие просто катастрофично. Без модной одежды человек еще может обойтись, но жить на улице он не может, тем более в нашем климате.

Удивительно, как глубоко и надежно государство регулировало все сферы жизни своих граждан. Одежда, здоровье, развлечения, взаимоотношения – ничто не ускользало от его бдительного взгляда. Все рассматривалось, утверждалось и пропагандировалось согласно правильной (т. е. социалистической) точке зрения. В 20-е гг. появились вещевые рынки. Не ярмарки, не выставки, а именно рынки, где можно купить старые, в сносном состоянии разные вещи. Догадываетесь, как эти рынки называются сейчас? Популярны стали «толстовки». Они отличались от тех, которые любил Л.Н. Толстой, и что носим мы, но идейно они безусловно близки: это одежда свободного облегающего. Сейчас они новомодно называются «худы». Появилась юнгштурмовка, потом она переродилась в «сталинку» (которую носил Иосиф Виссарионович), а позже в некий полувоенный пиджак, который сейчас очень любит известный телеведущий Владимир Соловьев. В 50-е гг. стала популярна одежда из химического волокна, т.е. синтетики. Причем все: от белья, блузок, рубашек до плащей и шуб. Помните плащи из болоньи, которые потом носили достаточно долго? Вот они оттуда. У меня в детстве была шубка из искусственного меха. И она мне очень нравилась. Тогда же впервые в нашу страну хлынул импорт из Китая, причем не только одежды. Моя мама позарилась на китайский термос. Был он очень неплох, служил довольно долго и имел рисунок в истинно китайском стиле: там красовался какой-то одинокий цветок, до сих пор не знаю какой. Куплен был в Ленинграде.

Все приходилось доставать. Доставали продукты питания, книги, одежду, мебель и многое другое. У наших граждан выработался условный рефлекс: видишь очередь – надо встать. И только потом спрашивали, что дают. Вместе с тем были и хорошие перемены. Безусловно улучшалась санитарная обстановка в Ленинграде, медицинское обслуживание, вовлеченность жителей в спортивные секции, развивался туризм в стране. При Хрущеве люди стали выезжать за рубеж, Советский Союз приоткрывался миру.

В книге очень много интереснейших сведений, рассматривается бытовая жизнь простого человека как отражение различных процессов, происходящих в огромной стране. И несмотря на то, что СССР распался в 1991 году, его эхо до сих пор звучит в нас.

*Текст подготовила О.Г. Фатеева,
заведующий сектором отдела хранения фондов
Научной библиотеки ПетрГУ.*